

▶ **ЕКАТЕРИНА КОЗЫРЕВА:** «Ухожу я к уральской своей глубине на родные железные руды»

Поэт в ответе перед Богом

ЕКАТЕРИНА КОЗЫРЕВА
(Из неопубликованной книги
«Магнитное кольцо»)

ОТЧИЗНЕ

Уральских гор могучие шелома,
Глухих холмов сухие ковыли.
Вползает поезд ящеркой зеленой
На дикий гребень в голубой пыли.

За речкой Белой, повторив изгибы,
Уйдет в проруб туннеля, в темноту,
А вынырнет, увидят, кто б там
ни был!

Глубинную Отчизны красоту...

Твоих полей польнине остожье,
Твоих лесов немереную высь.
И есть пути прекраснее,
быть может,
Но от своих дорог не отрекись.

Они вели, а не были ведомы!
Вчера по ним богатыри прошли...
Уральских гор могучие шелома,
Глухих холмов сухие ковыли.

На горах Урала темный лес стеной,
А внизу река сияет синевою.
И в душе моей

целительный простор –
Свет реки, мощь леса, выси гор,
Вы со мной. А больше ничего
Не излечит сердца моего.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Жизнь меня возвращает
в барачный отсек,
Не обшитый медовой вагонкой,
Где для нас начинался,
там кончится век,
А хоромы для косточки тонкой.
Не крестьянка я, не госпожа –
не займу
Места нового, ваше сословье!
Мы нигде не причислены

и ни к кому
С беспризорной к России любовью.
Ухожу я к уральской своей глубине
На родные железные руды,
А любовь, как наколку,
не вытравить мне:
Я Державу, как мать, не забуду.

НА УРАЛЕ

Какая роскошь – заблудиться
Среди высоких этих трав!
Простору неба удивиться,
Травы роскошество прижав,
Легко брести глубоким лесом,
Кольцо озерное найти,
С размаху загорелым всплеском
Его спокойствие смести.
Раскинуться

на горном склоне,
Горячем, ровном, как платок,
На шейке ящерки зеленой
Заметить

маленький глоток.
Изведав вкус воды холодной,
Журчанию ручья внимать,
Учиться мудрости при-
родной

Все до травинки
понимать.

УРАЛ

Хребет Евразии – Урал

Тыл и войну страны держал,
Стальной броней

гремел в Европе,
Блистал он касками в окопе,
Лежал с винтовкой у опушки,
Пил водку из солдатской кружки.

Ел кашу он из котелка,
Штыком прокалывал врага.
Он сапоги и гимнастерки
Сиживал блестящую иглой.

И на побывке, и в каптерке
Звенел гитарною струной.
От пуговицы до снаряда
Снабжал советского солдата.

Блестели звездочки в петлицах,
Улыбки на победных лицах.
Звенели песни, ордена...

Есть Родина у нас одна!
Прощай, проклятая война!
Гремите, русские медали,
Чтобы Урал мы не отдали,

Чтоб наши «Ильи» заблестели
В родной отечественной стали –
И чтоб Державу удержал
Хребет Евразии – Урал.

МУЖИК

Он в уральском гибельном снегу
Потерял последнюю слезу...

Тут с багряным заревом идей
Подвинулся Красный Чародей.

Волей да землей хвалился тать,
Чтобы мужика очаровать.

Загорланил, закричал: «Вперед!»
Шли стеной народы на народ.

Увядала божья роса,
Пыль газеток застила глаза.

Покачнулася не дворянская судьба –
Затрепцала русская изба.

Позабыл мужик и Бога, и царя...
А в Отечестве багряная заря.

В петербургском зареве идей
Подвинулся Белый Чародей.

Увядала Божья роса
Пыль газеток застила глаза.

Белой ночью белая заря
Скрыла невский берег и царя.

Снова на Урал мужик пошел –
Там его икона и престол.

В Екатеринбурге раб идей
Подвинулся Черный Чародей.

Будущий и прошлый государь.
Был убит в подвале русский царь

Увядала божья роса,
Пыль газеток застила глаза...

Велика крестьянская дорога.
И велик мужик, но после Бога.

МАГНИТОГОРСК

Степь на холмы, холмы на степь.
Польнь, ковыль, татарник, мята...
Простор степей моих воспет
Душой мятежной Салавата.

А ты твердишь – здесь леса нет,
Степь да холмы – что за природа!
Но, погляди, над степью свет
От переплавленной породы.

Пылали доменных печей
Золотояркие зарницы,
А с рукавиц богатырей
Слетали огненные птицы.

Магнитогорск! В свои ковчи –
Источники горячей славы
Всю боль, всю боль своей души
С советской перелил державой...

На жертвище огня и стали
Палатки у Магнит-горы...
Большой портрет:
товарищ Сталин...
И комсомольские костры.

В СТАРОЙ МАГНИТКЕ

Зябну,
как летняя птица,
Перед отлетом на юг,
Звезды над темной
станцией
Крупные
в нашем краю.

Дом за польниной
дорогой.
Мнится –
былинный – покой.
Так добродушно
и строго
Встали стога
за рекой.

Никнет ивняк над Уралом,
Ветви – кукуны в реке...
Родина! Звездочкой малой
Быть бы с тобой вдалеке.

ДОРОЖНОЕ

Вот и поезд набирает скорость.
Дым Магнитки, как туман, исчез,
На горах и меж горами строясь,
Величаво выступает лес.
То вдруг степь покажет

за окошком
Вольный свой простор.
То опять столбы, стожки,
сторожки,

Неприступность гор.
Трактор на далекой полосе
Кажется оранжевой игрушкой.
Остановка. Покупают все
Вишню предприимчивой старушки.
А в вагоне дует сквознячок,
И орет приемник ошалело,
Разговор заводит старичок,
Чтоб меня тоска не одолела.

ЧЕТЫРЕ ДОМА

Четыре дома у родителей моих
когда-то было – нары на двоих
за ивовою перегородкой.

Обстирывала мать своих и не своих
в семье чужой лебедушкой кроткой.
Семья отца большая:

дед – старшой,
как разрешили молодым
переселиться –

землянку вырыли – и это
дом второй,
там родилась и я под пологом
из ситца.

Сухие холмики, река и то Сухая.
По руку левую – щебеночный отвал,
по правую жилища, что Шанхаем
из ссыльных кто-то

в первый раз назвал.
Так и пошло... а за Урал-рекою
из шпал, из горбылей, известняков
свои покои ладили изгой

среди каменных гор и холмов.
Отец в Агаповке на шпалах

дом поставил,
осталось сладить светлое крыльцо,
да крышу засмолить...

но снег растаял,
Урал разливом выплеснул жильцов
в наш третий дом – не дом,
а конный двор...

Пилили, помню, жердевый забор,
да как блестел ледок
в следах копыт,
он и теперь в глазах моих рябит.

Четвертый наш –
гостеприимный дом:
всех перехожих, странников,
бездомных

он привечал любовью и теплом...
Он и мои девичьи грезы помнит.
Как я любила солнце на полу!

Тепло простых
дорожек домотканых,
польнный запах веника в углу,
шум тополя.

И лунный свет на рамах.
Нас четверо, а мама не поймет,
зачем разъехались

в четыре разных дома?
Все ждет кого-то
у пустых ворот...

Теперь ее печаль и мне знакома.

МАСТЕР

Он гранил самоцветные грани,
Он работал руду и металл,
И в горе, и в заводе... Во храме
О Державе он к Богу взывал.

В сорок первом, огнеупорном
Все Отечеству силы отдал.
Не досрочно и не рекордно,
Точно в срок он броню отковал.

Не кланя бескорыстную долю,
Умер смертью обычной герой.
Серебрится ковыльное поле
Над победной его головой

ПОЕЗД ТРУДОВОЙ

Не на коврике зеленом
За вагончиком вагон,
Не ключом позолоченным
Отправлялся на перрон.
Не конфетной позолотой
И не розовым дымком,
Начинался он работой,
Назывался он трудом.
Поезд детства, поезд детства,
Поезд детства – трудовой.
Помахал в него отец-то
Доломитом да рудой.
Но зато и вечерами
Шел красивый и большой:
В левой нес получку маме
В правой – нес меня домой.

ПЕСНЯ

Собираюсь на родину.
Свет шюля высок.
Собирают смородину,
Мамин вижу платок.
Над моею светлицей
Долог день до звезды,
Пожалею, что выцвели
Синих ставень цветы.
У крылечка приветный
Топольный размах,
На рябиновых ветках
Зреет осень в кистях...
Собираем смородину
И негромко поем
О рябине, о родине –
Об Урале моем.

Тяга к небесному

На днях Екатерина Козырева отметила замечательный юбилей. Она – наша землячка, родная сестра безвременно ушедшего поэта и журналиста Юрия Костарева, работавшего в семидесятые годы в «Магнитогорском металл».

Екатерина Козырева давно живет в Москве. Но связей с малой родиной не теряет. Ее имя одно из наиболее заметных в современной поэзии. Она автор нескольких поэтических книг. Ее стихотворения благосклонно воспринял скупой на похвалу Юрий Кузнецов. Не менее взыскательный Вадим Кожин в своем предисловии к книге «Дорога в Болдино» отметил, что в ее стихах «дышат почва и судьба», что они «существуют как бы на грани жизненной исповеди и профессионального мастерства». Николай Дмитриев писал, что в поэзии Козыревой «постоянно ощущается тяга к небесному и остро передано чувство земного одиночества».

Сама же она в книге «Тайная судьба Пушкина» свое поэтическое ремесло называет «великим искушением, за которое творец своего мира – поэт – будет в ответе перед Богом».

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей стихи из неопубликованной книги «Магнитное кольцо».